

Библиографические ссылки

1. Полудина В. П. Информационный шум в интернете как проблема потребления коммуникации. [Электронный ресурс]: журнал социологии и социальной антропологии. URL:http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2011_5/. (дата обращения 21.04.2012). С.386–339
2. Соловьёва Г. Г. Теодор Адорно и его «Эстетическая теория»: современный взгляд. Историко-философский ежегодник. М. ИФ РАН, 2010.С. 145-170
3. Attali J. Millennium: winners and losers in the coming world order. New York:Random House, 1991. 132 с. ISBN 0-812-91913-0
4. Петров В. О. Музыкальная тишина и шумовая музыка Джона Кейджа: принципы интеграции шума в музыкальную композицию // Культура и искусство. 2015. № 5. С. 479—490.
5. Галкин В. П., Попов Ю. А. Ноосфера: информационный шум и человеческие качества//Философия культуры в начале третьего тысячелетия: сб.тр. респ. науч.-практич. конф. Чебоксары. 2001. С. 21–27

СУБЪЕКТНОСТЬ ПУТЕШЕСТВИЙ: ТУРИСТ И ПУТЕШЕСТВЕННИК В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ

Т.В. Бурак

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская,9, 220004, Минск, Беларусь
taburak@mail.ru*

Способность и готовность выступить в качестве агента социального действия рассматривается в контексте двух основных социологических подходов к объяснению туризма и путешествий объективными и субъективными факторами. Автор представляет теоретические модели интерактивного субъекта туризма и путешествия в двух ракурсах: путешественник как Чужой и путешественник как субъект, использующий путешествие в поисках идентичности.

Ключевые слова: *субъектность; поиск идентичности; «чужой»; отношения «свой–чужой».*

Разнообразие социологических теорий, объясняющих те или иные аспекты социального в туризме, можно разделить на две группы. Теоретические модели первой группы ориентированы на исследование туризма, интегрированного в институциональную систему общества и определенным образом взаимодействующего с другими институтами. При такой исходной установке объяснение основано на анализе последствий для общества тенденций развития туризма, предполагает обнаружение влияния ценностей и принципов постиндустриального (информационного) общества, объективных процессов массовизации, глобализации,

виртуализации и визуализации социальной реальности на формирование коллективного поведения в области досуга.

Вторая группа социологических интерпретаций сосредоточена на изучении субъектности в социальных интеракциях путешественника: способов самоорганизации, имманентных структур, отношений смыслов и значений, составляющих содержание путешествия в понимании и восприятии происходящего самим действующим субъектом, т.е. путешественником. Основное внимание уделяется в данном случае фигуре путешественника во взаимодействиях, процессам интерпретации, кодирования и декодирования в ситуациях непосредственного соприсутствия и взаимного реагирования участников путешествия. В отличие от первой группы теорий, данный подход объясняет путешествие на уровне индивидуального поведения и участия, определяемого субъективными факторами. Рассмотрим составляющие субъектности путешественника.

Путешественник как чужой. Тема отношений «свой–чужой» в социологии развивается в работах Г. Зиммеля, А. Шюца и Ц. Тодорова. Все они связывают различия «своих» и «чужих» с представлениями о нормальности и системой кодов определенного культурного пространства. В то же время статус путешественника усложняет деление на своих и чужих и отменяет привычные правила идентификации. Ведь только в путешествии, оказавшись в роли «пришедшего извне», становится возможным обнаружить истинные значения различия и определения друг друга. Для перспективы подобного анализа *классическим примером является исследование Чужого Г. Зиммеля, который рассматривает путешествие как форму обобществления, свободную игру, прочувствование, приключение.* Г. Зиммель описывает социальный тип Чужой и социальный процесс странствия (приключения), объясняет их визуализацией и развитием факторов денег и интеллекта, указывает на принципиальную и отличительную черту отношений Чужого с миром – единство близости и дистанцированности: привычное и свое далеко, а чужое и далекое – близко. Амбивалентность позиции путешественника (Чужого) проявляется в том, что он не принадлежит этому пространству и в то же время определенным образом включен в социальные отношения в нем [1]: он наблюдатель, его позиция присутствия в группе это «позиция извне». И тогда возникает тема свободы, Г. Зиммель определяет путешествие в измерении свободной игры, в которой важнее сам процесс коммуникации, и подчеркивает особое значение пространственных границ путешествия, маркирующих «оторванность от точки в пространстве» [1]. Итогом контрастных характеристик чистой формы путешествия

становится самоценность непосредственного взаимодействия «свой–чужой», реализующего взаимные ориентации и ожидания со-присутствия.

Тема Чужого интересна и для А. Шюца, правда, он перемещает внимание со структуры взаимодействия на проблематику интерпретации культурных образцов при вступлении в новую группу. *Французский семиотик Ц. Тодоров тоже рассматривает отношения «свой–чужой», но по большей части с точки зрения реализации стремления к поиску чего-то нового для себя. Само же путешествие он объясняет как встречу с Другим, как путь открытия Чужого, в котором на самом деле «чужаки это мы», а путешественников дифференцирует в зависимости от характера его отношений с Чужим [2; 3].*

Путешествие как поиск идентичности. *Туристское путешествие является своего рода способом обнаружения, конструирования и воспроизводства идентичности путешествующего в процессе восприятия границ между «моей» и «иной» повседневностью. После знакомства с новой культурной средой путешественник начинает воспринимать привычный для него мир повседневных практик сквозь призму новых знаний, переживаний, ощущений и нового опыта. Понимание исключительности события требует такого же отношения к опыту путешествия, как и отношение к праздничному или торжественному событию, поскольку настоящий путешественник стремится избавиться «от отношений невнимательного, хотя и близкого знакомства с повседневной жизнью» [4]. А значит, путешествие становится путешествием лишь в том случае, когда реализуется ориентация на поиск.*

Очертания современного путешественника вырисовываются в попытке Э. Коэна классифицировать Чужого как субъекта действия, выделив четыре типа: массовый турист, индивидуальный турист, исследователь и бродяга. Первые две фигуры интегрированы в институт туризма, две вторые имеют открытый характер и находятся вне институциональной системы статусов и ролей. [5, s. 5-6]. Путешествие массового и индивидуального туриста организовано туриндустрией, практически исключая незапланированное взаимодействие с Чужим. В то время как исследователь осознанно ориентирован на общение с местным населением, а потому импровизирует в организации путешествия и готов временно отказаться от своих привычек и удобств. Бродяга еще в большей степени стремится к интеграции в новую среду, допуская риски проживания у местных жителей и соблюдение в своем поведении правил местной культуры [3, s. 46-48].

Однако более существенные отличия между разными фигурами путешественника Э. Коэн все-таки видел в стремлении к поиску нового. Рекреационный тип (recreationalmode) реализует путешествие как способ удовлетворения потребностей, сконструированных массовой туриндустрией; ищущий изменений (diversionarymode) – как форму побега от повседневных забот и трудностей; искатель опыта (experientialmode) – как поиск новых значений в чужой культуре, наблюдая со стороны; экспериментирующий (experimentalmode) – как поиск новых смыслов, пробуя жить непривычной для него жизнью других людей; экзистенциальный (existentialmode) – как подлинную жизнь, сознательно изменив свой образ жизни, ценности и потребности [3, s. 52-54]. Продолжая характеристику типов путешественников Э. Коэна, в анализе новых образов эпохи посттуризма, социологи обращаются к понятиям «фланёра», «бродяги», «игрока», «туриста». Воплощением современности, стремящейся к обнаружению идентичности, З. Бауман считает стиль жизни паломника, возникающий на пересечении «отсутствия пределов» [6], движения к смыслу, ощущения недостижимости целей и удаленности от городской повседневности. Но новая современность, утратившая определенность и дискретность, производит изменяющееся значение паломничества. Если ранее ориентиром перемещения паломника был поиск идентичности, то в преобразованных формах это уже стремление сохранить идентичность [6]. В результате символами современного туризма становятся новые фигуры путешественника, а путешествие приобретает характер фрагментарности, кратковременности, дистанцированности и безответственности в системе «свой–чужой».

Наибольшее внимание З. Бауман уделяет фигурам бродяги и туриста, релевантных тенденциям современности. В образе бродяги связываются воедино свобода движения, непредсказуемость маршрута и отсутствие дома. В фигуре туриста сложным образом пересекаются целенаправленность, комфорт, потребление и потребность в одомашненной чужой среде, которые в своей совокупности сводятся к определяющему измерению приятных и новых переживаний. Или, например, Дж. Урри описывает современного путешественника в образах фланёра и игрока. Он определяет фланёра в качестве прототипа современного путешественника, «одинокого странника, все выведывающего и разнюхивающего» [7, с. 170], в движении которого имеют определяющее значение практики гуляния и рассматривания. А в образе игрока Дж. Урри обнаруживает еще одну черту современного путешественника – готовность рисковать в осознаваемых временных пределах, поскольку смысл игры сохраняет свое значение только в

заданных границах времени и путешественник всегда готов после фазы возвращения домой сразу же приступить к новой игре.

Субъектность путешественника сегодня многомерна и воспроизводится посредством интеракций в непривычном социокультурном контексте. Ее форму и содержание определяют амбивалентная позиция «пришедшего извне» Чужого, игра, практики поиска нового опыта и воспроизводства идентичности.

Библиографические ссылки

1. Зиммель Г. Экскурс о чужаке. С. 9-13. [Электронный ресурс]. URL: [Zimmel_G_-_Ehkurs_o_chuzhake_pdf.pdf](#). (дата обращения: 12.04.2020).
2. Todorov T. Podbój Ameryki: problem innego. Warszawa: Fundacja Aletheia, 1996. 297 s.
3. Podemski, K. Socjologia podróży. / K. Podemski. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2004. 366 s.
4. Бурдые П., Болтански Л., Шамборедон Ж.-К. Общедоступное искусство. Опыт о социальном использовании фотографии. М.: Праксис, 2014. 464 с.
5. Halik J. Turystyka w socjologicznej perspektywie // Humanistyka.com. 2013. №1 [Электронный ресурс]. URL: <http://humanistyka.com/index.php/MH/article/download/15/4/> (дата обращения: 18.01.2020).
6. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133-154.
7. Урри Д. Мобильности. М: Праксис, 2012. 576 с.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ СИСТЕМОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПЕРЕХОДНЫХ ОБЩЕСТВАХ

А.Г. Караткевич

*ОУ «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»,
Ул. Кирова, д. 119, корп.2, 246019, Гомель, Беларусь
karatkevich1@mail.ru*

В статье рассматривается структура системной трансформации в переходных обществах. Подчеркивается, что трансформация охватывает весь спектр общественной жизни: социально-экономическую и политическую систему, внешнеполитическую составляющую, духовную жизнь и культуру, автор определяет ее как системную трансформацию. Констатируется, что системная трансформация подразумевает всеобъемлющий управляемый политический переход.

Ключевые слова: трансформация; переходные общества; социальное пространство; переходный период; модернизация.

Рассматривая структуру системной трансформации в переходных обществах необходимо отметить взаимосвязь трансформационных